

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

ОТРАЖЕНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ НОВОАКУТОВОЙ
ИНТОНАЦИИ ДРЕВНЕЙШЕГО СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ

Показания чакавского наречия и штокавских посавских говоров сербскохорватского языка, во вторую очередь — языка словенского, а также фонетические соответствия древнейшей новоакутовой интонации в виде рефлексов сверхдолготы в других славянских языках (особенно — в словацком, кашубском и польском¹) позволяют с полной определенностью полагать, что эта интонация древнейшего славянского («праславянского») языка в полногласных формах восточнославянских языков отразилась в виде *-oró*, *-oló*-, *eré*-. Этот факт общепризнан и не нуждается в дополнительной аргументации.

Но есть и специальные, менее ясные данные — они не так известны в науке и еще нуждаются в подробном истолковании.

*

Важные указания на былую древнейшую новоакуттовую интонацию долгот дает украинский язык, данные которого в основном совпадают со свидетельствами чакавского наречия сербскохорватского языка (и параллельных ему посавских говоров штокавского наречия), языков словенского, словацкого и др. Второй слог рефлексов **tort*, **tert*, **tott* (**telt*) в украинском языке при былых циркумфлексовой и акутовой интонациях фонетически не подвергался обычному удлинению, гспр. переходу *o* в *i* (или *y* и т. п.), — об *e* см. особо ниже, — но если соответствующий гласный имел в прошлом новоакуттовую интонацию, удлинение, гспр. переход *o* в *i* (*y* и т. п.), осуществлялось и в полногласных группах. Мы имеем в украинском языке, таким образом, *вóрон*, *гóлод*, *гброд*, *пóрох*, *сбод*, *хбод*; *горбд* «огород», *умолбт*, *вмолот*; *колбд* — род. падеж мн. числа; *колбв* «колол», *борбв* «борол», и т. п. (с рефлексами нисходящей и основной восходящей интонации); но, например, род. падеж мн. числа *борід*, *голів*, *воріт*; уменьшительные *борідка*, *голівка*; прошедшее время муж. рода *волік* «волок; волочил» и т. п.; в этих формах другие славянские языки дают указания на старую новоакуттовую интонацию.

В научной литературе широко распространено мнение, будто отсутствие в украинских формах типа *вóрон*, *гóлод* перехода второго *o* в *i* —

¹ Наиболее важны в данном отношении долготные рефлексации в случаях, где обычные долготы подлежат по законам соответствующих языков фонетическим сокращениям. Ср., например, в книгах автора «Акцентологический комментарий к польскому языку» (Киев, 1950, стр. 27—30) и «Акцентологический комментарий к чешскому языку», вып. 1 (Киев, 1953, стр. 22—24).

вторичное, аналогическое, явление, иначе говоря, что полногласные формы в фонетическом отношении не представляют ничего специфического сравнительно с такими, как *віз* «воз», *кіл* «кол», *хвіст* «хвост», а являются лишь результатом уподобления родственным формам с *o* в открытом положении в соответствующих парадигмах. Так думали, например, А. И. Соболевский, Н. Н. Дурново и многие другие. Что это мнение ошибочно, ясно хотя бы из такого изолированного от влияния других форм слова, как *борошно* «мука» (серб. *брашно* из **boršьno*)¹.

Сказанное о рефлексах **tort*, **tolt* принципиально относится и к рефлексам **tert*, **telt*, хотя о последних и приходится говорить особо ввиду того, что *e* в закрытых слогах не подчиняется в украинском языке фонетическому переходу в *i* так последовательно для всех категорий, как *o*². Приведем примеры соответствия *i* древнейшей новоаккутовой интонации: *черід* (род. падеж мн. числа; им. падеж ед. числа *чередá* «стадо крупного рогатого скота»), *черідка*; *зберіг* (жен. род *зберегла́*, средний — *зберегло́*) «сохранил», *стеріг* (жен. род *стерегла́*). Ср. *веретка* к *верета* «дерюга» (род. падеж мн. числа — *верет*); *мережка* «сеточка» к *мережа* (род. падеж мн. числа *мереж*).

Нефонетическим *i* является в *беріз* (род. падеж мн. числа к *береза*); ср. и *берізка* «березка» при фонетическом *березка* «вьюнок» (в словаре Гринченко последнее, впрочем, без дифференциации: *березка*: *берізка*).

Нет ожидаемого рефлекса новоаккутовой интонации в формах род. падежа мн. числа *дерев*, *джерел* «источников». Причина неясна³.

Замечания о категориях, где ожидалось бы в соответствии былой новоаккутовой интонации *-orí-* и т. п., но фактически выступают *-oró-* и т. п., см. в моей статье «Порівняльно-історичні розвідки в ділянці українського наголосу»⁴.

¹ Отдельные формы с переходом второго *o* полногласных групп в *i* как очень редкие (*вбіг*, *вбрін* — см., например, словарь под ред. Гринченко), по всей вероятности, представляют или поздние, может быть даже индивидуальные, гиперизмы, или диалектные аналогические образования очень небольшого распространения. Широко известны и даже вошли в литературный язык только *смбрід* и *поріг*. По поводу последнего слова уже давно была высказана правдоподобная догадка, что на него повлияло слово *ріг*, род. падеж *рога* в значении русского «угол наружный, выступ». Менее ясно *смбрід* «смрад» (ср. фонетическое *смбродь*), для которого можно было бы предположить влияние польского *smród*: род. падеж *smrodu* (первоначально имевшее место в говорах, где *o* в закрытом слоге звучит как *y* или как *o*, склонное к *y*). Ср. и неясное белорусское *смурбд*, может быть, с метатезой из **смбруд* подобного происхождения.

² Специального объяснения требует укр. диал. *вєріс* «вереск» (см. в словаре Гринченко), даже с родительным *вєрісу* и т. д. при закономерном литературном *вєреск*.

³ Обращает на себя внимание тот факт, что формы им.-вин. падежа мн. числа у этих слов звучат обыкновенно с ударением, оттянутым на средний слог, — *дерєва*, *джерєла*, т. е. внешне дают повод для включения их в сферу влияния типа с исходной аккутовой интонацией. Не ясна форма *дерезка*, упоминаемая в словаре Гринченко, при бессуффиксальном *дерезá* (такое ударение и в русском). Засвидетельствована ли где-нибудь в говорах ожидаемая форма *дерізка*, не знаю.

⁴ «Мовознавство», № 7, Київ, 1936, стр. 65 и сл.

В свое время и В. Розов (V. Rozov. Еще о праславянских группах *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*, «Výtahy z přednášek. Sekce II [I. Sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929]») заметили, что *-orí-* и т. п. характерно обычно для слов с бывшим восходящим ударением. Однако он по отношению к восточнославянским языкам не принял во внимание различия новоаккутовой и просто «восходящей» интонации, что помешало ему прийти к правильным выводам.

Для точности надо заметить, что явление, о котором идет речь, выступает не с такой определенностью, которая вообще исключала бы возможность любых сомнений. Из важнейших трудностей следует указать, например, на отдельные примеры звучания *-orí-* и т. п. у слов, где фонетически ожидалось бы в соответствии старой аккутовой интонации *-oró-*. Так, в современном литературном украинском языке имеем *доріє*: *доріжка*, *коріє*: *корієка*; в словаре под редакцией Б. Гринченко, наряду с *со-*

*

Различение в ряде русских говоров в подударном положении двух типов звука *o* — обычного *o* и *ô* (сильно лабиализованный звук, средний между *y* и *o*) — имеет первостепенное значение для опознания древнейших акцентологических отношений. Русское диалектное *ô* в начальных слогах с очень большой последовательностью соответствует словенскому подударному восходящему *ô* (бывшему новоакутовому). Древность рассматриваемого явления ясна из того факта, что рефлексом *z* в говорах, различающих оба *o*, является только *o*. Соответствия *o* напряженному не ограничиваются словенским языком, но наблюдаются в определенных условиях также в чешском и словацком, где *ô*, геср. *ô*, восходит к тому же звуку древнейшего славянского языка.

Сообщенные А. А. Шахматовым факты лекинского говора¹ (немного дополненные сведениями из других говоров) в сопоставлении со словенским, словацким и чешским языками позволяют как категории с былой новоакутовой интонацией выделить такие:

1. Односложные теперь формы, где ударение раньше падало на конечный *z* или *ь*: *кôл* (род. падеж ед. числа *колá*), *стôл* (род. падеж ед. числа *столá*), *двôр* (род. падеж ед. числа *дворá*), *сноôп* (род. падеж ед. числа *снопá*); *кôнь* (род. падеж ед. числа *коня*), *нôш* (род. падеж ед. числа *ножá*) и т. п.

2. Двусложные слова *jâ*-основ: *вôля*, *кôжа*, *дôбля*, *рôшша* «роща», *нôша* и т. п.

3. Двусложные слова, где *o* *â*-основ оказалось в закрытом слоге в результате выпадения редуцированного гласного последующего слога: *вôспа* (из **o'спа*), *кôшика* (из **ко'шья*), *нôшика* (из **но'жья*), *зôръкя* (из **зо'рька*); тип *стрôйкя* (из **стро'йка*); *вôльха* (из **о'льха*); ср. и *лôтка*.

4. Слово (книжное) среднего рода *je*-основы *лôжа* (из *ложe*).

5. Формы среднего рода: *вôйска*, им.-вин. падеж мн. числа *кôльца*, где *o* в закрытом слоге.

6. Формы множественного числа муж. рода типа: *кôлья*, *кôмья* (*o* в закрытом слоге).

7. Двусложные и многосложные имена существительные типов:

а) *лôмтик*, *нôжык*, *плôтьник*;

б) *ôтьчим*;

в) *кôстычка*, *кôрычка*, *нôжыньки*; *лôдычку* «лодочку»;

г) *рôзьница*, *гôрьница*.

8. Прилагательные и наречия типов:

а) *нôв*, *хрôм*;

б) *гôжа* (из *гоже*);

в) *нôвай*, *дôбрай*, *гôлай*, *гôлыя*, *вôстраи*, *вôстрыя*, *мôкрай*, *гôрькая*; *рôднай*, *рôслай*, *рôслая*, *пôшлай*, *вôльной*, *зôркой*, *пôснай*, *скôцкай*, *бôльшы*.

9. Числительное *вôсим*.

10. Местоимения:

лôмка, приводится *солôмка*; род. падеж мн. числа, наряду с *болôт*, звучит и как *болôт* (так даже обычно). Однако данные отклонения вряд ли могут поколебать выведенное положение по существу. Наряду с *дорôжка* — формой, вероятно, аналогической, в говорах нередко употребляется ожидаемое *дорôжка* (ср. *дорôжка* и в словаре Гринченко). *Корôв*, возможно, обязано своей формой влиянию окончания *-ie* мужского склонения; *корôвка* — влиянию широко распространенного суффикса. Форма *болôт* (и *болôтце*, *болôтце*) возникла, вероятно, в результате появления вместо формы им. падежа мн. числа *болôта* аналогического *болôтá*. *Солôмка* — относительно редкая и, по всей вероятности, аналогическая форма (обычно — ожидаемое *солôмка*).

¹ А. А. Шахматов, Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии, ИОРЯС, т. XVIII (1913), кн. 4, 1914.

- а) *тѡт*;
 б) *мѡй, теѡй*.
11. Наречия: *тѡлькя, скѡлькя* и т. п.
12. Глаголы (наст. времени изъявит. наклонения):
 а) *прѡсут, тѡпют, гѡнит, лѡвит, вѡзют, хѡдут, мѡчит, нѡсит*;
 б) *хѡцыш, мѡжыш, стѡниш, пѡрит, пѡлют, тѡнит, тѡнут, гѡжду*;
 в) *плѡтит*.
13. Другие формы:
 а) *мѡжнуть*;
 б) *рѡсть*;
 в) *я мѡк* («мог»?);
 г) *ѡѡј*;
 д) *мѡл'ат, кѡл'ат, пѡр'ат*¹.

Систематизированные Шахматовым, хотя и не комментированные им сравнительно-исторические факты относительно легко могут быть сведены к следующим фонетическим и морфологическим положениям:

1. *о* получало новоакутую интонацию при переносе на него ударения с подударного в прошлом конечного редуцированного гласного. Наиболее определенные параллели в этом отношении дает словацкий язык; ср. *nos, voz, rod, roh, stoh*, но *kól, stól, kôš* (укр. *киш: кошá*), *кѡй, нѡз* и т. п.

2. Видимо, фонетически влиял на подударное *о*, вызывая появление новоакутую интонации, следовавший за ним согласный *ј*: *вѡля, нѡша* и т. п.; *лѡжа; хѡцыш, пѡрит, пѡлют* и т. п.: словенск. *vólja, nǒša; lǒže; kǒlje, pǒrje*: словацк. *vól'a, tǒňa* «тьнь».

3. Новоакутую интонацию получало подударное *о* при выпадении в следующем за ним слог редуцированного гласного: *вѡсна* из **о'сна*, *нѡшка* из **но'шка* и т. п. [словенск. *ǒsp(ica)*, словацк. *nǒška*]; есть известная вероятность, что в древнейшем славянском в соответствующих случаях была представлена подударность редуцированного гласного. Ср. и *кѡльца, бѡльшы, тѡлькя* и т. п.

4. Новоакутая интонация характеризовала (закон А. И. Белича) членные имена прилагательные, произведенные от нечленных с конечным ударением: *гѡлай, вѡстрай, дѡбрай; прѡшлай* и т. п. (ср. *шла, шло* и т. д.: **шьлѡ, *шьла* и т. д.).

5. Вероятно, категорией аналогического происхождения являются образования *кѡрычка, кѡстычка* с рефлексом интонации, заимствованным от **кѡрка, *кѡстка* и т. п.

6. *Нѡжык, стѡлик, хѡстик* и т. п. свое *ѡ* могли получить от исходных *нѡш, стѡл, хѡст* и т. п., хотя значительной надо признать и вероятность, что у этих образований новоакутая интонация могла явиться в условиях, близких к фонетическим: **stǒlikъ* (ср. ударение **-ikǒ*, род. падеж **-ika')* > **stǒlikъ*, и т. п.

7. Новоакутая интонация корневых гласных в настоящем (будущем) времени изъявительного наклонения у глаголов на *-iti* и *-nǒti* в случаях, когда соответствующая парадигма характеризуется подвижностью ударения — ударением конечного гласного в 1-м лице ед. числа: ударением корневого гласного в остальных формах, — представляет собою абсолютно достоверный факт. Однако вполне или даже относительно надежного объяснения для этой интонации в данной категории до сих пор в науке еще нет. Ясно только, что она была как-то связана при своем возникно-

¹ Не приводим некоторые отмеченные Шахматовым случаи употребления *ѡ*, не представляющие интереса со сравнительно-исторической точки зрения (чаще всего это слова, где *ѡ* исторически приходилось не на начальный слог).

вении в древнейшем славянском языке с характером долготы гласного — приметы класса.

Глаголы типа *плѣтиши*, *плѣтит* и т. д., получившие свое *ѣ* аналогически вообще от глаголов типа *нашѣ*: *нѣсиши*, *нѣсит* и т. д. (ср. *платѣит* в «Уложении» 1649 г., словенск. *platīš*, *platī*... и т. п.), от них же получили и рефлекс интонационного качества этого *о*.

8. Формы причастий типа *мѣлат*, *кѣлат* сам Шахматов, вероятно справедливо, считает искусственными и малоупотребительными.

Несколько замечаний об отклонениях на месте ожидаемых рефлексов.

На стр. 180—181 Шахматов, приводя слова с *о*, упоминает среди некоторых слов, которым в литературном языке свойственно конечное ударение в родительном и других косвенных падежах ед. числа, слово *плот*: литер. род. падеж ед. числа *плѣба*. На старое колебание в месте ударения косвенных падежей этого слова указывает, вероятно, укр. *плѣба*: *плѣбу*; ср. и серб. *плѣд*: род. падеж ед. числа *плѣда*, словенск. *plōd* (с рефлексом накоренного ударения), словацк. *plod* (то же). Так и в др.-русск., ср. в Домострое по Коншинскому списку: *и ѿныи землѣныи плѣды што ко послааъ* 74 л.¹

Никакого значения не имеет отклонение от литературного *слон*: род. падеж *слонѣ*, так как слово *слон* для говора, конечно, заносное. В параллель этому заслуживает внимания отмеченное, например, также и в тотемском говоре слово *вол* вместо ожидаемого *вѣл* (ср. род. падеж *волѣ*), являющееся тоже заносным словом (вместе с самим понятием). Ср. и замечание Шахматова: «Слово *вол*, известное и в форме *вал*, представляется заимствованным из другого говора»². *Вал*, конечно, — из косвенных падежей или множественного числа, форм, в которых ударение падало на следующий слог.

Вероятно, из других говоров в легинский пришли и такие слова с *о* вместо ожидаемого *ѣ* в закрытом слоге, как *скѣпка* «скобка», *стѣпка*, *хѣлка*. Индукцией в пределах самой парадигмы легко объясняется род. падеж мн. числа *соф* «сов» вместо ожидаемого *сѣф* (такие формы засвидетельствованы в других говорах). Надо признать, однако, и наличие таких случаев, которые еще ждут своего объяснения. К ним я отношу, например: формы им.-вин. падежа мн. числа имен среднего рода типа *ѣкна*; образования типа *крѣвля* (если отклонить возможность очень отдаленной индукции со стороны глагольных форм *крѣю*, *крѣшь* и т. д.); *вѣжжи*, *дрѣжжи*; причастия *кѣванай*, *фѣкпаная*, *слѣман*³.

*

В фактах украинского языка, возможно, отражаются следы былой новоакутовой интонации звука *е* в закрытом слоге перед твердым согласным (с былым последующим *ѣ*). Соответственный материал допускает различные толкования, и относиться к объяснению его с акцентологических позиций следует только как к гипотетическому⁴.

¹ «Домострой по Коншинскому списку и подобным», к изд. пригот. А. Орлов, в кн. «Чтения в Имп. О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те», 1908, кн. 2 (225), М., 1908.

² А. А. Шахматов, указ. соч., стр. 181, примеч. 1.

³ Не касаюсь случаев, где в говоре представлено *ѣ* на месте ожидаемого *о* вне зависимости от былой новоакутовой интонации.

⁴ В данной статье я повторяю основные соображения, изложенные мною более детально в книге «Питання походження української мови» (Київ, 1956, стр. 51—56). Систематизацию соответствующего материала в литературном языке см. в написанном Н. Ф. Наконечным разделе «Фонетика» книги «Курс сучасної української літературної мови», т. I (Київ, 1951, стр. 265—268).

Так называемый «новый ять», как в свое время заметили А. А. Потебня и А. И. Соболевский, в южнорусских памятниках выступает с середины XII в. в положении перед согласными, за которыми отпал или выпал редуцированный гласный переднего ряда (ь). В современном украинском языке можно констатировать эквивалентный переход также в положении перед твердым согласным (т. е. перед согласным, за которым в древности отпал или выпал редуцированный гласный заднего ряда ъ). Это изменение подударного *e* осуществлялось, вероятно, только диалектно, причем там, где оно имело место, оно зависело в ряде морфологических категорий от специального акцентологического момента — от былой новоакутовой интонации у *e*. Это предположение может быть сделано в отношении следующих немногочисленных категорий: форм род. падежа мн. числа имен существительных типа *сіл*, *пліс* (среднего рода); образований на былое *-жа* типа *тітка*, *лебідка*, *перепілка*, *четвірка*; может быть, форм им.-вин. падежа ед. числа притяжательных прилагательных вроде *Василів* < **Василевъ*, имеющих себе соответствие (в сравнительно-историческом аспекте не вполне надежное) в виде словенского *kraljěv*, и т. п.

Формы мужского рода прошедшего времени изъявительного наклонения *віз* «вез», *вів* «вел» и т. п. (*вюдз*, *вюдов* и т. п.) с былой подударностью конечного ъ (**vezlъ*, **ve[d]lъ* и т. п.) приходится объяснять иначе, хотя и по отношению к ним речь могла бы идти о рефлексе новоакутовой интонации как результате переноса ударения с отпавшего твердого редуцированного гласного. Соответствующее удлинение и — как результат его — рефлексация *e* > *i* (*юд*) в этой морфологической категории осуществились не диалектно, а во всех говорах украинского языка и потому должны были иметь общую причину. Такою могло, вероятно, являться действие отпадения ставшего тавтосиллабическим конечного *л*: *везлъ* > *вѣз*, *неслъ* > *нес* и т. п. Что касается случаев вроде *вѣл*, *плѣл* > *вів*, *плів* (*вюдов*, *плюдов*) и под. с выпадением перед *л* *д* или *т*, то их можно представить себе как продукты аналогического приравнения к образованиям типа *віз*, *ніс* и т. п. Разумеется, в говорах, которым был свойствен и фонетический переход *e* в *i* и т. п. при былой новоакутовой интонации, существовало дополнительное условие для появления соответствующих рефлексов. Следует учесть и возможность распространения рассматриваемых форм из этих говоров в говоры, где соответствующее фонетическое условие отсутствовало.